

ДВА РАССКАЗА

Рассказы

АНАТОМИЧЕСКИЙ РОМАНС

— Послушайте, Петровская, может, хватит?! Что вы там за окном интересного обнаружили? Этаким мечтательным взглядом можно и дырку в небе прожечь!.. Начнем, пожалуй. Тема сегодняшней лекции — костная система человека, особенности ее...

Застигнутая врасплох, Петровская метнула в преподавателя лазурный бумеранг недоуменного, чуть раскосого взгляда. «Австралиец», описав в воздухе классическую дугу, самым закономерным образом вернулся к хозяйке своей, в свою очередь еле-еле успевшей заслониться лекционной тетрадью.

Самое первое, что необходимо отметить сейчас — тот неоспоримый факт, что данный преподаватель анатомии был далеко не самым плохим специалистом по морфологии человека на данной планете (и признавали это все, за единичными исключениями). Кроме того, был он педагогом приходящим, почасовиком. То, что препод не входил в штат сотрудников кафедры гражданской обороны (на веселом студенческом сленге — «гроба»), на которую министерством просвещения и была возложена высокая миссия подготовки будущих педагогов по программе военно-учетной специальности «медицинская сестра запаса», а был всего лишь кафедральным совместителем, «субъектом извне», человеком со стороны, одно это уже делало его в глазах студенток интересным, сполна наделяя героя нашего некой загадочной привлекательностью. Позвольте же, наконец, представить персонажа сего: Лений Емельянович Вороток (сокращенно — Лев) — врач-педиатр медико-санитарного отдела механического завода. Преподававший на «гробовой» кафедре нормальную анатомию человека, в которой не так уж и много было, по мнению самого Льва, «шибко нормального». То же самое, кстати, можно было с почти полным основанием сказать и об ученицах его. Ибо филологини, или филфаковки, студентки филологического факультета, определенно являлись существами если и не стопроцентно возвышенно-утонченными, то уж куда более воздушными и трепетными, в сравнении с более прагматичными современницами своими, обучавшимися на соседних факультетах. И в этом, как представляется, повинна была именно Ее Величество Великая Литература Русская — одна из самых консервативных и пуританских на белом свете. Литература, призывающая и высоких апологетов и рядовых потребителей своих, всех, всех и прочих, равно и безоговорочно к толерантности, состраданию и терпению. Литература, давным-давно ставшая альтернативной религией, не особенно афишируя этот свой необыкновенный и особенный статус. Литература, являвшаяся для многих и многих из филологинь не только и не столько педагогической специальностью, сколько состоянием души, как ни пафосно звучит это сейчас (хорошо, что не диагнозом). И без того, можно сказать, хреновая ситуация усугублялась еще одним, едва ли не полным уже геморроем — тотальным отсутствием на филологическом факультете и в ближайших окрестностях особей мужского пола, мужчин, в любых из возможных ипостасей и проявлений. К курьезным исключениям из данного правила, впрочем, можно было отнести лишь этого странного мужичка, метр с кепкой росту, зимой и летом носящего одну и ту же рвань-фуфайку, того самого, широко известного в студгородке под прозвищем Федор-Дурдыня, равно как и кота его — чистопородного перса с трудно выговариваемой кличкой Васисуалий (низкий поклон героям произведений Ильфа и Петрова), каждые две недели удирающего в поисках любовных приключений от своего сильно пьющего хозяина. Федор-Дурдыня, как известно, числился охранником филфаковского общежития № 2, что на Брусничной аллее, 5.

Столь глубокий гендерный перекося, едва ли не кризис, не мог не отразиться на самочувствии и микроклимате филфаковских групп. Возможно, именно поэтому явка на занятия Льва была воистину «львиная». Этот стабильный интерес к сутуловатой, неуклюжей, удлинненно-оглобистой фигуре внештатника, к его позорно редкой, совсем не классической бородке (в какую-то жалкую треть, а то и в четверть от элегантно-сексуального великолепия холеного чеховского «клинышка»), к занудно-раздражающей манере анатома к месту и не к месту «экать» в процессе говорения, поддерживался, подогревался, помимо прочего, еще и неясными, смутными, но циркулирующими внутри начитанного и остроязыкого женского студенческого серпентария слухами о якобы

сугубой шаткости, нестабильности супружеских отношений, о ненадежности семейных уз преподавателя. Разное плели, разное...

Сам же Лений Емельянович (как, впрочем, и все остальное, узколобое и абсолютно уверенное в своем превосходстве над всем остальным миром шовинистическое мужское большинство) склонен был объяснять интерес этот ничем иным, как своими исключительными лекторскими качествами, умением владеть аудиторией и имевшимся у него личным обаянием, что, конечно же, было форменной глупостью и, возможно, самым отъявленным проявлением ничем уже не прикрытого нарциссизма. Нарциссизма самца. Но таковы уж мужчины эти, и так — было!

Обычно *львиные* лекции стартовали в час дня. Именно к этому времени, завершив очередной прием в поликлинике, Лев и выдвигался к пединституту — одному из двух высших учебных заведений Фаленска, городка, затерявшегося где-то между Вяткой и Камой, между Кировом и Пермью, между прошлым и будущим. Что еще мог бы рассказать Лев о Фаленске, если бы попросили его? Пожалуй, лишь то, что был городок этот всегда таким маленьким и столь секретным, что если кто-нибудь и попытался бы сыскать-разыскать объект сей на тех еще, подслеповатых, генштабовских картах времен холодной войны (а действие рассказа и происходит именно в такое, сложное для нашей страны и всего прогрессивного человечества время), то, скорее всего, глаза обломал бы, а не нашел бы ни шиша.

Вы, конечно, вправе спросить, почему преподавательская деятельность была столь важна для нашего героя? Конечно, самый вероятный из возможных ответов на этот вопрос прост: из-за денег. И это действительно так. Денег Лению Емельяновичу всегда не хватало. Как и всем, наверное... Но правильным ответ этот можно считать лишь отчасти. Помимо небольшой, но реально необходимой финансовой подпитки, приносила преподавательская работа в жизнь провинциального врача еще и некое разнообразие, обогащая ее новыми красками и впечатлениями. А возможно, привлекала Льва (а что, и такое могло быть!) в девчонках этих, школьницах вчерашних, уроженках либо самого Фаленска, либо окрестных сел, поселков и деревушек, еще и бескорыстная готовность студенток воспринимать новое, жажда познания их, оптимистическая ориентированность на перемены. И в этом, скорее всего, также повинна была упомянутая уже выше великая наша литература-обманщица, исподволь оперирующая романтическими, в чем-то наивными представлениями о должном и долге, о добре и зле, о любви к дальнему и ближнему. Представлениями, вошедшими в провинциальный обиход российский в золотом девятнадцатом веке от Рождества Христова...

— Итак, сегодня предстоит нам... э-э-э... познакомиться с костной системой человека, с особенностями ее... — повторил еще раз Лений Емельянович, включая всю возможную свою ораторскую серьезность.

А не стало ли то, что случилось потом, следствием того, что у него, лектора, ощутившего в себе в ту минуту тяжесть и силу данного ему слова, начала вдруг кружиться голова, что пошло роится в ней, бедной, некое, по сути своей, пижонское упоение способностями своими к ораторствованию, словоизвержению — без конца и без края, без передышки и роздыха? А не подвело ли оратора нашего (как некогда, кстати, и Цицерона самого) то самое ощущение собственной безбрежности, бескрайности, не ограниченной ничем возможности к связному кружевному мышлению? Конечно, риторические это вопросы, но ведь Лений мог, черт возьми, если бы захотел, мог — часами тянуть и тянуть образную канитель, вязь словесных пассажей!

— Все многообразие функций, выполняемых скелетом, э-э-э... можно объединить в две большие группы... Механические и биологические... Корепанова, не отвлекаемся... К механическим функция относятся: а — защитная, бэ — опорная, вэ — локомоторная и... какая еще?.. Правильно, гэ — рессорная функция.

— Лений Емельянович, Лений Емельянович!

Лекомцева. Любительница задавать каверзные вопросы.

Лев нехотя остановился:

— Что угодно уважаемой Юлии Михайловне нынче?

— Лений Емельянович, скажите, а вы уже видели замечательный фильм «Любовь и голуби»?

Началось... По аудитории, как первые желтые листья-кораблики по осенним лужам и ручьям, поплыли смешки, засверкали улыбки.

— Не до лю-бо-ви нам с вами, Юлия, и не до го-лу-бей сейчас! Лекция у нас...

— Ну Лений Емельянович, ну правда, ну можно вопрос? Ну один, ну анатомический? Ну по-жа-луй-ста!..

— Ну извольте!

— Вы помните, как артист Юрский, который играет дядю Митю, сообщает бабе Шуре и Наде о том, что Василию бревно с вагонетки на голову упало?

— Юлия, прошу, у нас лекция по а-на-то-ми-и!

— А я и не забываю, Лений Емельянович, по анатомии и вопрос...

— Хорошо... Помню. Сообщает. Артист Юрский. Который — дядю Митю. И что дальше?

— По словам дяди Мити, у Василия после этого удара «косоглазие приключилось»...

— Ле-ком-це-ва!

— А вопрос, Лений Емельянович, такой: какая конкретно часть костного черепа отвечает за косоглазие, приключившееся в результате удара бревном по голове Василия?

Смех в аудитории, возгласы, едва ли не аплодисменты. Лекомцевой, естественно.

— А вот для того, чтобы ответить на этот вопрос, необходимо дослушать эту лекцию до конца... — Ленину пришлось даже похлопать в ладоши, отвлекая и перетягивая на себя узурпированное Лекомцевой внимание, давая понять подопечным своим, что, мол, все — пошутили и баста, пора за дело. — Итак... э-э-э... защитная функция скелета состоит в том, что он... э-э-э... образуя стенки ряда полостей — грудной полости, полости черепа, полости таза, позвоночного канала... является, таким образом, надежной защитой для располагающихся в этих полостях жизненно важных органов. Рессорная функция скелета, в свою очередь... э-э-э... обусловлена способностью последнего смягчать толчки и сотрясения... благодаря сводчатому строению стопы, хрящевым прокладкам между костями в местах их соединения, связкам... э-э-э... внутри соединений костей, изгибам позвоночника... Все успели записать, или же повторить еще раз? Кстати, Лекомцева, это и есть ответ на ваш «анатомический», как вы изволили выразиться, вопрос. Следующее дальше...

Лев и сам, если честно, не знал и никогда не мог доходчиво объяснить другим: почему одни и те же люди почти в одно и то же время образуют коллективы, сообщества легко сплавляемые, контактные, сполна мобилизуемые словом, а то, наоборот, начинают вдруг активно отказываться идти на контакт с лектором, замыкаясь в себе и на себе любимых? Почему так происходит?

— Биологические функции скелета связаны с активным участием его в обмене веществ, прежде всего, в минеральном обмене. Кости, товарищи, — это депо минеральных солей, кальция и фосфора. Девяносто девять процентов всего кальция находится в костях...

Лений хорошо видел, как на «камчатке» аудитории Поздеева и Корепанова о чем-то продолжают, несмотря ни на что, болтать, а с третьего ряда на второй в очередной раз перебросили записку. Хорошего настроения, того, с которым начинал он сегодняшнее занятие, — как не бывало! Нет, дольше так продолжаться не могло! Лев решительно, на полуслове, встал:

— Кстати, кому неинтересно... а таких, наверное, много сегодня... те могут вообще покинуть аудиторию! Если вам не нужна анатомия, что я могу с этим поделать? Вольному воля! Не нужна и не нужна! Впрочем, кое-кому к анатомии еще предстоит вернуться. На экзамене по анатомии, к примеру... Почему сегодня у нас рты-то никак не закрываются!? Взять Петровскую Валентину... То небо изучала, то стала какие-то записки Тотьмяниной и Рубцовой метать. Словно у нас здесь спортивная площадка, а не лекция... Ну что, Петровская, может, поделитесь с нами? Ждем-с...

Однако Петровская благоразумно предпочла отмолчаться.

— Хорошо, сударыня, разговаривать сегодня вы, как я посмотрю, не очень-то большое испытываете желание, тогда позвольте на конспектик ваш взглянуть? — Лев подошел к Петровской. — Записывали, надеюсь? Вот и замечательно...

Лев протянул руку к тетради. Валентина медленно, заторможенно-механически, словно загнипнотизированная, вручила преподавателю свои записи.

Лений развернулся и медленно двинулся к кафедре. В аудитории было по-прежнему тихо. Но опытный лектор прекрасно знал, что взгляды присутствующих сейчас прикованы именно к нему, и понимал, чего от него все ждут. Почти дойдя до своего рабочего места, он негромко обронил:

— Перерыв десять минут. Прошу без опозданий!

В десять секунд помещение опустело.

Оказавшись в одиночестве, не зная, чем занять себя (он недавно бросил курить и старался не выходить из аудитории, чтобы не видеть лишний раз соблазнительно попыхивающих, затягивающихся сигаретами кафедральных коллег), Лев открыл конспект студентки и погрузился в него...

Как-то незаметно проплыли перед его взором первые несколько страниц. Они весьма и весьма порадовали, представляя собой запись прошлой лекции. Старательную, полную. Как ни странно, Льва умилили еще и рисунки Петровской на полях — то кошка, умывающая лапкой мордочку, то шаржи (узнаваемые, впрочем) на сокурсниц и даже на него, Ления. Все шло замечательно до тех пор, пока не добрался Лев до *того самого* места...

Потом он долго еще пытался передать свои самые первые, начальные ощущения, но так и не мог сформулировать, не находя слов.

А прочитал Лев следующее:

«Я люблю тебя люблю любимый мой хочу признаться что хочу тебя хочу чтобы ты обратил внимание подойди же ко мне прошу милый подойди не откладывая ну ближе еще ближе хорошо а теперь склонись надо мной боже какой ты большой добрый сильный умный ну погладь по волосам свою девочку прошу тебя я не буду сопротивляться я же твоя девочка только твоя возьми меня сейчас как хочешь поставь меня как тебе нравится хочешь я сама встану перед тобой на четвереньки потому что люблю тебя люблю я буду делать то что ты захочешь только не уходи...»

По мере чтения у Ления все больше и больше темнело в глазах. Последние строки он дочитывал в уже обступившей его со всех сторон крошечной тьме. Казалось, что к глазным яблокам срочно и одновременно переброшена была вся имеющаяся в организме преподавателя на текущий момент кровь, до последней капли, вся, что текла сейчас в его большом и охочем до жизни теле. Весь мир для него сошелся в сию секунду в этом,